

Гу Тунан увидел замешательство в красивых янтарных глазах, и напряжение в его сердце просочилось наружу, превратившись в злую и бездоказательную клевету:

— Се Рухэн ударил Цинь Цзюня только потому, что тот оскорбил его происхождение.

— Ты должен сам понимать: 'Когда есть достаток в еде и одежде, люди помнят о чести и бесчестии', и что 'тяжелые условия возвращают смутьянов'.

— Он выходец из низов, ненавидит аристократов, но никак не может излить свой гнев.

— Многозначительно произнес Гу Тунан. — Боюсь, для него ты всего лишь существо, которое нужно покарать и свергнуть.

Тан Бай с каменным лицом смотрел на Гу Тунана. В его глазах не было колебания и не было семян раздора, которые надеялся посадить Гу Тунан. В них был только холод.

Янтарные глаза напоминали дорогое украшение — холодные, как лед, и немного чуждые.

Омега не задира л подбородок, как раньше, не старался принять жеманную позу, его спина была прямой, и он сказал таким же холодным голосом:

— Нелепо приписывать порочность к происхождению. Зло бедных людей может быть злом ради выживания, но влиятельные люди совершают зло только ради удовлетворения своих желаний. И только сильные мира сего способны прикрывать свои преступления.

Гу Тунан впервые обнаружил, что оказывается, когда Тан Бай специально не завышает свой голос — он звучит очень приятно, как звонкий звук удара о нефрит.

— Гу Тунан, ты разве не... — являешься главным героем-гуном?

Тан Бай сделал паузу, нахмурился, его красивые глаза казались немного грустными. Его лицо было очень точеным и как только на нем появлялась хоть легкая грусть — это вызывало жалость.

— Ты не должен быть таким человеком.

— Ты можешь не любить избалованных омег и считать их бесполезными пустышками, но ты не будешь без причины дискриминировать всех омег. Когда какую-то омегу оскорбляют, пусть ты не сможешь ей сопереживать, но все равно почувствуешь каплю гнева.

Ты сочувствовал наказанному Се Рухэну, считал поступок Цинь Цзюня чрезмерным, и потом использовал силу семьи Гу, чтобы смягчить наказание Се Рухэна.

— Ты также можешь не любить ленивых людей из трущоб: людей, которые сжигают, убивают и грабят. Но ты никогда не будешь таким аристократом, как Цинь Цзюнь. Ты знаешь, что ужасная обстановка в трущобах заставляет расти зло в человеческой природе, но также ты знаешь, как ценна доброта, которая сохраняется в людях.

Тебя привлечет искра Се Рухэна. Ты поймешь его, поддержишь его и поможешь ему изменить это ужасное общество.

Несмотря на то, что ты главный герой-гун, несмотря на то, что у тебя много недостатков — ты все равно не похож на этих испорченных до костей альф. Из-за того, что ты влюбился в Се Рухэна — ты мало-помалу хотел исправлять свои ошибки и плохие привычки. Так ты стал,

пусть с натяжкой, достоин быть рядом со светом омег.

Но... почему ты сейчас так изменился?

Почему ты так говоришь о Се Рухэне?

Се Рухэн, безусловно, лучший омега в мире и заслуживает самого лучшего в этом мире.

И ты его недостойн.

— Гу Тунан, ты действительно меня сильно разочаровал. — Прошептал Тан Бай. Его голос звучал очень легко, но в его глазах была такая печаль, что казалось он вот-вот заплачет.

Гу Тунан застыл на месте.

Он не знал...

Оказалось, таким представлял его Тан Бай.

Принесли еду, и рядом с омегой поставили чашку строганного льда с кокосовым молоком и кусочками манго.

— Извини, у меня аллергия на манго и от его запаха мне нездоровится. Я не смогу составить тебе компанию. — Тан Бай встал и ушел.

Гу Тунан остался сидеть на своем месте, абсолютно неподвижно. Таким образом он просидел очень долго, многие воспоминания нахлынули на него.

Он вдруг вспомнил одно из свиданий, на котором изящный маленький омега сказал ему: Ох, прости, у меня аллергия на манго, я не смогу это съесть.

О чем он тогда подумал?

У альфы в его воспоминаниях было равнодушное лицо, и про себя он с нетерпением думал: какой же это избалованный омега.

*

Тан Бай вышел из ресторана и связался с юристом-бетой, с которым он работал раньше.

Хотя омеги терпят притеснения и эксплуатацию со стороны общества, альфы отлично это прикрыли. Они неизменно повторяют, что уважают права и законные интересы омег, и против харассмента и оскорблений. Особенно против оскорблений омег-аристократов.

Да, отношение к омегам-простолюдинам и омегам-аристократам — разное, и некоторые альфы в тайне говорят, что наказание за изнасилование омеги-простолюдина не такое суровое, как за изнасилование благородного омеги.

Если вам не повезет, то вы встретите такого влиятельного омегу, как Тан Бай, у которого есть свободное время, который очень злопамятен и который не успокоится, пока не спустит шкуру со своего противника.

Поскольку юристу нужно было встретиться с Се Рухэном, чтобы понять все детали ситуации, Тан Бай собирался рассказать об этом Се Рухэну.

В это время Се Рухэн убирал мусор в туалете. Он надел резиновые перчатки и с полным спокойствием вытащил мусорный мешок.

Благодаря этому наказанию он узнал, что, оказывается, общественные туалеты Федеральной военной академии убирались каждые полчаса. Нужно было вынести мусор, помыть пол, распылить дезодорант, ароматизаторы и так далее. Поэтому в туалетах почти ничем не пахло.

Но Се Рухэн беспокоился, что это только ему кажется, что запаха нет, поэтому перед встречей с Тан Баем он специально принял душ и переоделся.

— Йо, наш товарищ Се так добросовестно убирается, почему бы тебе после окончания обучения не пойти в альма-матер уборщиком? — Цинь Цзюнь с отвращением закрыл нос рукой и театрально скривился.

Се Рухэн, завязывающий пакет для мусора, остановился.

Уборка туалетов в университетах была самой горячей работой в трущобах. Многие дети мечтали о такой «престижной» и «легкой» работе.

Многие жители трущоб вынуждены ходить на опасную работу в шахты, есть раз в день и спать на земле. Их скудная зарплата даже не могла покрыть все расходы. Днями и ночами им приходилось тяжело работать, чтобы накопить на обучение своих детей.

Наилучшее образование, которые родители могут найти для своих детей — это трущобные школы, созданные для ликвидации безграмотности. Затем, им нужно накопить на плату за проезд, чтобы отправить своих детей на работу в город.

Уборщики, няни, слуги, официанты... Все это очень престижные работы.

— «Работать в доме дворянина! Дворянский дом такой красивый. Там есть сад, фонтан, туалет, который пахнет лучше, чем любая из наших комнат. И благородный господин даст тебе комнату, большую комнату, сказали, что это что-то вроде комнаты для прислуги... “

Необразованная женщина не могла грубыми словами описать все великолепие и роскошь дворянского особняка. К тому времени она уже была так тяжело больна, что когда она говорила о чудесной возможности стать слугой, ее лицо покрывалось болезненной краснотой.

— Ты хорошенько служи благородному господину и потом может быть станешь управляющим. Это будет гордость — Что там было после гордости?..... Так или иначе, ты будешь гордостью своих предков!

Она была так взволнована, что начала непрерывно кашлять. Кашлять кровью.

Се Рухэн хотел ее вытереть, но крови было так много, и сколько бы он ни вытирал, она никак не заканчивалась.

Потом она умерла.

Она оставила Се Рухэну «плату за проезд», что для Се Рухэна того времени было очень большой суммой. С этими деньгами он мог бы пересечь стену, войти в город и делать там все, что захочется. Даже попрошайничать лучше, чем оставаться в трущобах.

Но он этого не сделал.

На эти деньги он похоронил свою мать.

— На работе можно стоять без дела? — Цинь Цзюнь плюнул на пол и вызывающе глянул на Се Рухэна. — Тут грязно, вылижи-ка дочиста.

Черные, как смоль, глаза феникса смотрели на него в полном спокойствии. В них не было явных перемен в настроении, а скорее пугающее умиротворение.

Как будто... смотрели на труп.

Под таким взглядом синяки на загривке Цинь Цзюня заныли, и он вспомнил то, какой ужас испытал, когда Се Рухэн начал его душить. Его шея дернулась, а тело подсознательно показало страх.

После того, как Цинь Цзюнь это осознал, альфа был словно кот, которому наступили на хвост. Со свирепым выражением лица он стиснул зубы и закричал:

— Лижи! Мне что, повторять нужно?!

Чего тут страшного? Он всего лишь червь из трущоб, разве он осмелится меня убить? В конце концов, ему все равно придется честно драить туалеты!

Динь□ — Прозвучал сигнал сообщения.

Се Рухэн проигнорировал Цинь Цзюня и открыл свой протонный компьютер, чтобы прочитать сообщение от Тан Бая.

Тан Бай сначала дулся на то, что Се Рухэн не рассказал ему, что его обижают, но в следующую секунду стиль его общения поменялся. Он жестко сказал, что нашел для него юриста и если он позволит Цинь Цзюню уйти безнаказанным, то его фамилия не Тан. Наконец, он с любовью сказал, что хочет прийти и помочь Се Рухэну убирать туалеты.

Его голос очень легко переключался между милым и свирепым.

— «Се-гэ не сердись, на этот раз я защищу тебя, ладно? Смотри как я отверчу башку этому ублюдку Цинь Цзюню! »

Се Рухэн посмотрел на ругательства Тан Бая и неожиданно вспомнил, как много лет назад, когда его родители были живы, кто-то тоже защищал его таким образом, без колебаний.

*

Закончив ругать Цинь Цзюня, Тан Бай сразу же об этом пожалел. Как он посмел ругаться перед светом омег!

Материть Цинь Цзюня очень весело и приятно, но его милый образ в сознании Се Рухэна был полностью разрушен!

Тан Бай хотел плакать, но не мог выдавить ни слезинки. Он хотел немедленно помочь Се Рухэну разделить его ношу, чтобы восстановить свой образ, но Се Рухэн вежливо отказался.

Се Рухэн уделил время на разговор с юристом. После того, как юрист записал слова, которыми

Цинь Цзюнь оскорбил Тан Бая, омега, который как раз пролистывал очень толстый экземпляр «Модификации мех и технологии их покраски», даже не знал, что сказать.

Он улыбнулся, показал средний палец и милым голосом матернулся.

*

Цинь Цзюнь, наносивший мазь на шею, внезапно сильно чихнул. Он мрачно через зеркало уставился на синяк и вспомнил то унижение, когда Се Рухэн вчера схватил его за шею.

Позволить Се Рухэну месяц убирать туалеты — слишком маленькое наказание!

Неожиданное сообщение, пришедшее на протонный компьютер, прервало план мести, который строил Цинь Цзюнь. Потирая заднюю часть шеи, он открыл сообщение и обнаружил, что это адвокатское письмо.

Цинь Цзюнь: ?!.....

Маленький театр:

Тан Бай: Никто не может обижать мой свет омега! Никто!

<http://bllate.org/book/15734/1408449>